

Т.Ал. Михайлова (Москва, Институт лингвистики, РГГУ)

Книга Иудифи: от символической повести к историческому детективу¹

Книга Иудифи, относящаяся к числу ветхозаветных апокрифов, в данной статье рассматривается как произведение литературное. Изначально заложив в свое сочинение иносказательное описание событий, происходивших в Иудее II в. до н.э., но также и ряд более глубоких символических смыслов, автор использовал в частности прием создания искусственной реальности, для чего соединил вместе несколько несовместимых исторических периодов. Позднее нарочитая историчность повести перестала создавать эффект вневременности и универсальности описанных событий и стала все больше провоцировать исследователей на расшифровку некой исторической истины, якобы стоящей за текстом, в то время как символическая роль повести ослабела.

Ключевые слова: апокрифическая литература, Книга Иудифи, эллинистическая литература, эллинизм, псевдоисторическая реальность.

В научной литературе, посвященной Книге Иудифи, среди множества вопросов на первый план обычно выступают две главные проблемы – История и Историчность (History, Historicity). В специальных главах крупных исследований или в отдельных статьях рассматривается с одной стороны момент создания произведения, то есть условия его возникновения и соответственно датировка и приблизительное авторство, с другой стороны изучается вопрос историчности самих описанных событий, проблема их соотнесенности с реальностью и возможность реконструкции истории, стоящей за текстом².

Состоящая из шестнадцати глав повесть рассказывает об ассирийском царе Навуходоносоре, который, собираясь отомстить непокорным народам, посылает против них своего главного военачальника Олоферна. Подойдя на своем пути к маленькому городу Ветилуе – ключу к дальнейшему походу на Иерусалим, – войско Олоферна останавливается, осаждая город. Лишенные воды жители мучаются от жажды и уже собираются сдать. Только в восьмой главе на сцене появляется сама Иудифь. Она благочестивая вдова, которая после смерти мужа ведет очень аскетичный, уединённый и праведный образ жизни. Прицеля старейшин за желание сдать, она обещает сама с

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-31-01061 «“Псевдоисторическая реальность” и модусы исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н.э. – III в. н.э.»

² Например [Gera 2014: 26–44; Moore 1985: 38–49; Eckhardt 2009].

Божьей помощью спасти город и его жителей. Произнеся молитву, Иудифь затем одевается и украшается, запасается едой, а затем вместе со своей служанкой отправляется в лагерь ассирийцев. Там, обольстив на пиру вражеского военачальника и дождавшись, пока он, опьянев, заснет, Иудифь отрубает ему голову его же мечом, а затем возвращается в Ветилу. В повести также действует персонаж по имени Ахиор аммонитянин. Он рассказывает Олоферну историю иудеев и уговаривает не нападать на них. В ответ на эту речь ассирийский военачальник подбрасывает связанного Ахиора к воротам Ветилуи, чтоб потом захватить и уничтожить его вместе с жителями. В итоге всех событий Ахиор, пораженный мужеством Иудифи, переходит в иудаизм. Ассирийцы, пришедшие в ужас от гибели своего военачальника, бегут, а иудеям больше ничто не угрожает в течение длительного времени.

Упомянутые выше проблемы историчности и историзма оказываются в этом тексте тесно связаны друг с другом. Достаточно долго обсуждался и обсуждается вопрос о том, является ли Книга Иудифи историческим сочинением, и если да, то к какому историческому периоду относить описанные в ней события. В соответствии с этим различались и датировки самого сочинения, причем в некоторых случаях предполагали историческое ядро, достаточно древнее, персидской или даже ассирийской эпохи, которое было искажено позднейшими редакторами и наслоениями (теория «разворачивания текста»/ «evolving-text theory» [Steinmetzer 1907]).

К настоящему моменту относительно появления книги господствует мнение, согласно которому текст был создан в Маккавейский (Хасмонеийский) период (середина II в. до н.э.). В качестве подтверждения такой датировки приводится целый ряд доказательств. Среди них есть умышленные, продуманные автором намеки, а есть и случайные, неизбежные приметы времени¹.

¹ Например, о приметах времени см. [Dancy 1972: 67–131]. Так, напуганные финикийцы встречают Олоферна с «венками, ликами и тимпанами» (3:7 «μετὰ στεφάνων καὶ χορῶν καὶ τυμπάνων»). Если последние два пункта могли встречаться и раньше (Судьи 11:34 «ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ ἐξέλωρεῦετο εἰς ἀπάντησιν αὐτοῦ ἐν τυμπάνοις καὶ χοροῖς» – «дочь его [Иеффая] выходит навстречу ему с тимпанами и ликами»), то использование венков относится к эллинистическому периоду [Dancy 1972: 80]. Таким же образом как безусловно эллинистическая интерпретируется и торжественная процессия в честь Иудифи. Сказано, что «она [Иудифь] взяла в свои руки обвитые виноградными листьями жезлы и дала женщинам, бывшим с нею, и возложили на себя масличные венки – она и бывшие с нею» (15:12–13 «καὶ ἔλαβεν θύρσους ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς καὶ ἔδωκεν ταῖς γυναῖξιν ταῖς μετ’ αὐτῆς· καὶ ἐστεφανώσαντο τὴν ἐλαίαν»). Дж. Денси замечает, что жезл, обвитый плющом, – тирс (Еще упоминание тирса см. II Макк 10:7) – в основном использовался в культе Вакха, и хотя никакого намека на этот культ здесь быть не может, у нас все же есть основания извлечь отсюда

Если эта интерпретация принимается как верная, то возникает вопрос о том, как «зашифрованная» история Маккавеев и их гонителя Антиоха IV Эпифана соотносится с событиями, непосредственно изложенными в книге. Произведение явно носит исторический характер. В отличие от многих библейских сочинений, оно не содержит описания чуда, то есть активного божественного вмешательства в действия героев. Все события носят характер очень близкий к реалистическому. Текст провокационно наполнен деталями, указаниями на места, даты, измерения (стен, войск, дней и т. п.¹). Однако при всех различиях в подходах и теориях, исследователи сходятся в одном: историческая

примету эпохи [Dancy 1972: 121]. Также греческим является и обычай увенчивать кого-либо оливковыми ветвями. См. I Макк 10:18–21. Едва ли вероятно, что соратники Маккавея действительно «несли в руках тирсы» – тем более что в свое время сторонники эллинизации пытались силой принудить их к этому (см. II Макк 6:7). В то же время Иосиф Флавий называет по-гречески «тирсами» традиционные предметы Иерусалимского культа, так называемые лулавим (Ant XIII 372; XIII 13.5). Плутарх также говорит о «тирсофориях» во время еврейского праздника Кущей (Quaest. conv. 671 E). Таким образом, употребление слова «тирс», хотя и никаким образом не связанного в этом контексте с культом Вакха, свидетельствует о том, что текст написан в эллинистический период.

Эллинистические черты, как иногда считается, несет на себе и политическая организация иудеев, описанная в книге Иудифи: народ управляется первосвященником, а также советом старейшин (4:8).

Напоминает об исторических событиях периода Маккавейского восстания и сам сюжет «Иудифи». Угроза, которая исходит от Олоферна, это, в частности, осквернение святилища, о чем специально говорится в тексте (8:21; 9:8). До Антиоха IV Эпифана именно такой цели не ставили перед собой вражеские цари и предводители: они разрушали и грабили, а осквернение было следствием этих действий.

Само имя главной героини представляется женской параллелью к имени основного лидера повстанцев – Иуды Маккавея. Попытку точного привязывания датировки к определенным событиям см [Шмаина-Великанова, Брагинская 2010]

¹ Например, «и построил вокруг Екбатан стены из тесаных камней, шириною в три локтя, а длиною в шесть локтей; и сделал высоту стены в семьдесят, а ширину в пятьдесят локтей, и поставил над воротами башни во сто локтей, имевшие в основании до шестидесяти локтей ширины; а ворота, построенные им для выхода сильных войск его и для строев пехоты его, поднимались в высоту на семьдесят локтей, а в ширину имели сорок локтей» (1: 2–4); «Пройдя путь трех дней от Ниневию до передней стороны равнины Вектелеф, они повернули от Вектелефа, близ горы, лежащей по левую сторону верхней Киликии. Оттуда, взяв все войско свое, пеших и конных и колесницы свои, он отправился в нагорную страну; разбил Фудян и Лудян и разграбил всех сынов Рассиса и сынов Исмаила, живших в пустыне на юг к земле Хеллеонской. Потом, переправившись чрез Евфрат, он прошел Месопотамию и разрушил все высокие города при потоке Авроне до входа в море» (2: 21–24).

ситуация, описанная в повести, является заведомо нереальной. С одной стороны перед нами ассирийская угроза. Народ, с которым иудеям предстоит иметь дело, назван уже в первых строках произведения¹, а о его агрессии и масштабных завоевательных планах сообщается уже в начале второй главы. С другой стороны прошедшим фактом для героев является и возвращение из плена, за которым следует и восстановление храма². В действительности, Ассирия угрожала иудеям в VIII в. до н.э., когда при царе Тиглатпаласаре III и Саргоне II Дамасское и Израильское царства были разгромлены (732 и 722 г. до н.э.) и попали под ассирийское владычество. Свое место в истории иудеев имеет и царь Навуходоносор. Однако царствовал он не в Ассирии, как утверждает Книга Иудифи, а в Вавилонии с 605 г. по 562 г. до н.э., в то время как Ассирийская держава не позже 606 г. до н.э. перестала существовать. Именно этот царь в 587/6 г. до н.э. увел тысячи жителей Иерусалима в плен, из которого они смогли вернуться в 539 г. до н.э., когда на этот раз Вавилонию в свою очередь завоевала Персия. Таким образом, картина, в которой возвратившиеся из плена иудеи страдают от нападения Навуходоносора, ассирийского царя – это смешение сразу трех исторических периодов: ассирийского, вавилонского и персидского.

Кроме этого самого яркого несоответствия, в тексте есть и множество других элементов, вроде бы не имеющих отношения к исторической реальности. Так, среди вполне известных топонимов попадают и незнакомые названия: Хеллеонская земля (2:23), поток Аврон (2:24), Сур (2:28), Кония, Вельмен, Хова, Эсора (4:4), Киамон (7:3), Ховая и Холла (15:4), возможно, придуманные автором. И конечно парадоксален тот факт, что главный город, где происходит действие, Ветилуя, остается загадкой для исследователей, и они до сих пор предлагают гипотезы его вероятной идентификации.

Как в случае топонимов, подобным же образом среди реальных народов встречаются, например, и ни с чем историческим не связанные «сыны Хелеуда» (1:6) и «сыны Рассиса» (2:23).

Итак, Навуходоносор не мог быть царем Ассирии после возвращения иудеев из плена, и таким образом становится необходимым найти какое-либо объяснение этому насильственному слиянию нескольких периодов. По мнению исследователей, такое сочетание должно было стать для читателя своеобразным знаком, указанием

¹ «В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириянами в великом городе Ниневии» (1:1).

² «...потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом Господень» (4:3).

на вымышленность, а точнее на иносказательность описанного. Так, Ч. Торри считает, что для современного человека подобным образом звучала бы фраза: «Это случилось, когда Наполеон Бонапарт был королем Англии, а Отто фон Бисмарк царствовал в Мексике» [Торгеу 1945: 89–90]. Совершенно аналогичным способом характеризует историчность Иудифи и Р. Дентан, предлагая сравнить начало книги с утверждением, что события происходят во времена «Вудро Вильсона, который был президентом Соединенных Штатов Америки вскоре после конца Второй Мировой войны» [Dentan 1954]. Для русского же читателя, возможно, подобным образом звучала бы фраза «когда Наполеон стал во главе татаро-монгол после победы над Германией».

Невозможно представить себе, что книга написана во времена Навуходоносора. В таком случае, указание на возвращение из плена оказалось бы лишь фиктивным и желательным, а не отражало бы реально совершившийся в прошлом факт, а помещение вавилонского царя в Ассирию стало бы в таком случае странной ошибкой. Гораздо более правдоподобной кажется поздняя датировка, при которой невозможное соединение исторических фактов становится просто художественным приемом. Представить себе здесь неумышленную ошибку автора довольно трудно. Он явно имеет представление об исторических событиях, и в самой книге мы видим, как персонаж Ахиор аммонитянин представляет военачальнику Олоферну краткую историю иудеев, соответствующую истинному положению дел (5: 5–21).

Таким образом, нарочитая историчность книги оказывается оторванной от реальности и служит для создания универсального исторического фона, призванного продемонстрировать читателю повсеместность и вневременность истин, провозглашаемых автором. Создатель книги оперирует историческими событиями как конструктором для создания нового образа мощного врага, который, тем не менее, отчасти уже знаком читателю.

Псевдо-историзм, стилизация под историческое сочинение, выдает себя в повести не только наложением несоединяемых эпизодов истории, но иногда и преувеличенными масштабами. Так, с одной стороны подробное указание на родословную героини при первом ее появлении¹ должно, как кажется, придать реализм повествованию, но беспрецедентный для женского персонажа в Библии расширенный список авторитетнейших предков создает эффект если не совсем ко-

¹ «Иуди́фь, дочь Мерарии, сына Окса, сына Иосифа, сына Озила, сына Елкия, сына Анании, сына Гедеона, сына Рафаина, сына Акифона, сына Илия, сына Елиава, сына Нафанаила, сына Саламиила, сына Саласада, сына Иеиля» (8:1).

мический, то во всяком случае сходный с эффектом исторических несоответствий, а именно – псевдо-историчность.

Воспринимать текст как сугубо исторический значит игнорировать многие другие его смыслы. Произведение наполнено глубокими символическими мифопоэтическими образами, которые явно выходят за рамки чистого «шифрования» противостояния Антиоха Эпифана и Иуды Маккавея. Это и символика женщины-города, и матери-земли, и символ борьбы слабого против сильного, дева в башне и др. С литературной точки зрения повесть обладает ярким набором художественных приемов. Это и четко выстроенная композиция, где героиня не случайно появляется с середины рассказа; и продуманная ретардация перед ключевыми моментами действия; и замедление фабульного времени по ходу приближения к развязке, когда начинаясь с периодов в несколько лет, темп рассказа уменьшается до дней, а потом до событий одной главной ночи; это и использование зеркальной схемы построения персонажей¹; ирония и двусмысленность в репликах героев.

Таким образом, сталкиваясь в данном произведении со смешением хронологии, мы имеем дело не с ошибкой автора, а с литературным приемом, призванным лишь стилизовать сочинение под историческое, а на самом деле создать вневременную символическую повесть [Шмаина-Великанова 2010]².

Итак, несмотря на свою символическую, религиозную и политическую направленность, Книга Иудифи остается и литературным произведением, в котором оказываются действующими те же процессы, что работают в текстах и позднейших периодов вплоть до наших дней. Подойдя к произведению уже с этой стороны, отметим, что для современной теории нарратологии не существует разницы между вымышленным персонажем и реально существовавшим. Как пишет в своей книге В. Шмид, «А как быть с историческими личностями, такими как Наполеон или Кутузов, если они фигуры романа? Это

¹ О паре Иудифь-Ахиор и о вероятном смысле введения в сюжет этого персонажа см. [Roitman 1992]

² Возможно, эту черту Книги Иудифи уловила художественная культура, обращавшаяся к образу этой героини сотни раз. Будучи одной из самых популярных героинь Ветхого Завета, Иудифь в произведениях художников очень явно несет в себе качество вневременности, растворённости в истории, свободы от привязки к определенному периоду. Появление Иудифи в костюмах и интерьерах разных эпох для некоторых периодов было скорее художественной традицией, а для некоторых уже осознанным приемом. Иудифь в XX и XXI веках может представлять полностью «осовремененной», носить одежду соответствующего периода и обезглавливать Олоферна любыми средствами, сохраняя, однако, ключевые качества образа. См. образ современной Иудифи, например, на картинах Джона Люка, Олега Леонова, Косты Кулунджича.

только квази-исторические фигуры. Наполеон Толстого не является ни отражением, ни отображением реальной исторической личности, а изображением, мимесисом Наполеона, т.е. конструкцией возможного Наполеона. Большая часть того, что повествуется в романе об этом Наполеоне, не может быть засвидетельствована документами и немислима в историографическом тексте. В романе «Война и мир» Наполеон и Кутузов не менее фиктивны, чем Наташа Ростова и Пьер Безухов <...> Фиктивность персонажей делает фиктивными и ситуации, в которых они находятся, и действия, в которых они принимают участие. Фиктивным является и пространство романа» [Шмид 2008: 37–38].

Однако использованный здесь прием создания псевдо-исторической реальности, которая, тем не менее, берет за основу реальность настоящую и реконструирует ее нужным образом, оказывается слишком сильнодействующим, причем действие это не ослабляется с годами, а только крепнет. В сочетании с отсутствием чудес нарочитый историзм и продолжающиеся попытки воспринимать книгу буквально приводят к ослаблению ее символической роли.

Историческая рамка, куда вписаны автором фиктивные события, провокационно действует на читателей, в том числе и на научных исследователей. Так, среди работ, посвященных Иудифи, в частности очень популярна тема реконструкций и поиска прототипов [Zertal 2009]. Обилие названий городов, указанных в первой половине повести, приводит к появлению попыток проследить по карте точный путь Олоферна, причем подсчеты на одном из участков, например, показывают, что армия должна была преодолеть за три дня расстояние около 500 км.

Также, разумеется, активно ведется поиск прототипов для главных героев: в первую очередь Олоферна, а также Вагоя, Навуходносора и самой Иудифи. Много попыток сделано и для идентификации Ветилуи – города, где происходит действие. Отношение к тексту, как к историческому, буквальное восприятие историко-географических указаний, игнорирование несоответствий и «ошибок» приводят к притянутым результатам, идущим против первоначального замысла автора, намеренно создававшего только псевдореальное пространство, в центре которого стоит несуществующий город Ветилуя. Так, например, были совершены попытки идентификации Ветилуи с Сихемом в Самарии по большей части на основе географических указаний об особом положении этого города [Топгеу 1899]. Однако данный подход игнорирует тот факт, что автор повести, который в других местах множество раз обращается к реальным топонимам, именно здесь использовал фиктивный город, очевидно, намеренно уходя в абстракт-

цию и символичность¹. Кроме того, такая интерпретация идет в разрез с враждебными высказываниями о сихемитах в самом тексте повести, где героиня для своих дальнейших действий берет за образец кровавую резню в Сихеме, которую устроили там сыновья Иакова Симеон и Левий, мстящие за поругание над своей сестрой Диной (Быт 34:1).

Тем не менее «всегда найдутся читатели, позволяющие легко себя обмануть. Обмануть даже тогда, когда автор такого намерения не имеет» [Ланн 1930: 47].

Доведенная до абсурда историческая интерпретация книги может быть найдена в заметке М. Дмитриева «Ахиодор и Олоферн» [Дмитриев 2010], где практически в детективной манере предпринимается попытка восстановить события и разоблачить «истинного» убийцу Олоферна. Автор статьи по ряду причин подвергает критике версию, изложенную в повести, и настаивает на том, что героиня «даже чисто физически не смогла бы осуществить убийство указанным в Библии способом». Настоящим убийцей ассирийского военачальника М. Дмитриев предлагает считать Ахиора (у автора «Ахиодора»), который якобы вместе с Иудифью проник в лагерь Олоферна, переодевшись в служанку: «Анализ всех обстоятельств убийства Олоферна позволяет утверждать, что организовать и осуществить его мог только один человек – Ахиодор!». Автор заметки выявляет и мотив убийства, и способы маскировки, и удобные возможности, и знания, которыми обладал этот человек.

Тема взаимоотношения героев произведения и реальности рассматривалась неоднократно. Из многих ученых, рассуждавших об этой проблеме, процитируем Умберто Эко. Как неоднократно утверждает этот автор, «текст – это ленивый механизм, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований» [Эко 2013: 57]. Последнее утверждение, однако, не так однозначно. Как уточняет Эко, «читатель обязан убедиться, что сам по себе текст не только допускает, но вынуждает толковать его определенным образом» [Эко 2013: 58].

Несмотря на обязанность соблюдать художественное соглашение, только делая вид, что события, о которых нам повествует автор, действительно имели место (см. [Эко 2003: 139]), попытки воспринимать персонажей как реальных, то есть соотносимых с фактами и законами знакомой нам реальности, все же предпринимались очень часто: осуществлялись поиски квартиры Шерлока Холмса; платфор-

¹ О символике имен в повести и в частности о возможной интерпретации названия города как транслитерации еврейского слова ‘бетула’ – девственница, то есть город-дева см. [Шмаина-Великанова 2010]

мы 9 ³/₄; аптеки, где Леопольд Блум покупал мыло; следа от первой пули Жюльена Сорреля и др. Однако, как можно было бы ожидать, литература более древнего периода, особенно такого уровня как библейская или апокрифическая, околориблейская более защищена от подобных вмешательств. Автор литературы такого рода рассчитывал на определенное восприятие читателем¹. Тем не менее, как мы видим, интерпретация с точки зрения «реальности» внезапно постигает и Иудифь. Причина этого заключается прежде всего в упомянутом уже выше нарочитом историзме. Кроме этого, имеет свое влияние и отсутствие явных сцен чудесного. Еще одно объяснение, как нам кажется, можно найти в том факте, что в данном случае Образцовый читатель уступает место Читателю Эмпирическому, а бесконечное число интерпретаций дозволено предлагать только первому, но не второму². В данном случае сделаем предположение, что автор заметки об истинном убийце Олоферна не остановился на моменте смешения хронологии по той причине, что, в отличие от иудея II в. до н.э., оказался просто не знаком с ней. В противном случае, как образцовый читатель он должен был бы насторожиться как раз на этом моменте, оставив зато без внимания нереалистичность обстоятельств убийства³.

И наконец сделаем предположение, что определенная детективность, напряженность, предрасположенность к некому отгадыванию истины заложены уже в самой повести. Отправляясь к ассирийцам, героиня не открывает старейшинам и жителям города своего плана и не сообщает, как именно она собирается спасти их. Равным образом, оставшись одна и произнеся свою речь перед читателем, героиня и в этот момент не описывает своих предстоящих действий. Только с течением времени по ходу развития сюжета мы узнаем, что именно она задумала и как это исполняет. И еще позже, почти в конце всей книги об этом наконец узнают и жители Ветилуи, когда Иудифь, вернувшись, демонстрирует им отрезанную голову Олоферна. Таким

¹ «Когда античный или средневековый читатель читал библейское повествование об Ионе, которого проглотила рыба и который через три дня вылез из ее брюха цел и невредим, то такой читатель не видел в данном факте ничего противоречащего его энциклопедии (т.е. различным «Specula Mundi», основанным в конечном счете на той же Библии)» [Эко 2007: 381].

² «Текст чувствует своего образцового читателя и априори наделяет его правом пробовать бесконечное число интерпретаций» [Эко 2013: 66].

³ В качестве примера «правильного» восприятия приведем реакцию современного зрителя на фильм «Inglourious basterds» (2009). Наличие выдуманных режиссером персонажей, таких как Шоанна Дрейфус, лейтенант Альдо Рейн или актриса Бриджет фон Хаммерсмарк, не вызывает у зрителя удивления или отторжения, в то время как гибель Гитлера, Геббельса, Герринга и других членов немецкого командования в июне 1944 г. в горящем кинотеатре в Париже неизбежно производит яркое впечатление, удивление и даже протест.

образом, это напряженное ожидание развязки, этот потенциальный вопрос читателя «Что она собирается делать?», эти гадания жителей «Что же она там делает?» могли стать толчком для подобной детективной интерпретации, для попыток разгадывать, что же там произошло «на самом деле». И возможно именно по этой причине автор заметки об истинном убийце концентрирует свое внимание именно на этом разоблачении, упуская другие нереалистичные подробности¹.

Подводя итог, скажем, что автор Книги Иудифи создал произведение со многими уровнями и только один из них может быть обозначен как индизнаменное описание борьбы иуды Маккавея с Антиохом Эпифаном. В тексте явно присутствуют и другие смыслы, поэтому сведение прочтения повести просто к ее исторической дешифровке окажется насильственным ограничением. Прием наложения друг на друга несовместимых исторических периодов, очевидно, в свое время был понятен иудейскому читателю и воспринимался им так, как был задуман автором. Тем не менее с течением времени по ряду причин этот же прием стал вводить читателей в заблуждение. Символическая роль повести стала ослабевать, а на первый план начал выходить этот исторический колорит текста, который однако смущал исследователей своими ошибками. Курьезный случай детективного прочтения текста, попыток восстановить реальный ход событий демонстрирует предел, до которого может дойти историческая интерпретация, игнорирующая изначальный посыл автора, условия создания текста и религиозный контекст сочинения.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев 2010 – *Дмитриев М.* Ахиодор и Олоферн // *Техника молодёжи*. № 1, 2010. С. 26–28.
- Ланн 1930 – *Ланн Е.Л.* Литературная мистификация. М.–Л.: 1930.
- Шмаина-Великанова 2010 – Шмаина-Великанова А.И. Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского*. СПб. 2010. С. 467–477.
- Шмаина-Великанова, Брагинская 2010 – *Шмаина-Великанова А.И.*, Брагинская Н.В. Иоаким: историческое лицо и персонаж. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского*. СПб. 2010. С. 450–466.
- Шмид 2008 – *Шмид В.* Нарратология. Языки славянской культуры. М. 2008.
- Эко 2003 – *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб. 2003.
- Эко 2007 – *Эко У.* Роль читателя. Спб., М. 2007.

¹ Например, при полном отсутствии воды в городе Иудифь совершает омовение перед походом к ассирийцам.

- Эко 2013 – Эко У. Откровения молодого романиста. АСТ. М. 2013.
- Dancy 1972 – *Dancy J.C.* ‘Judith,’ in *The Shorter Books of the Apocrypha* (Cambridge), 1972.
- Dentan 1954 – *Dentan R.C.* *The Apocrypha, Bridge of the Testaments.* New York: Seabury Press. 1954.
- Eckhardt 2009 – *Eckhardt B.* Reclaiming Tradition: The Book of Judith and Hasmonean Politics. *Journal for the Study of the Pseudepigrapha.* 2009; 18; 243–263.
- Gera 2014 – *Gera D.L.* *Judith. Commentaries on Early Jewish Literature,* 2014.
- Moore 1985 – *Moore C.* *Judith.* Anchor Bible Series 40; Garden City, New York. 1985.
- Roitman 1992 – *Roitman A.* Achior in the Book of Judith: His Role and Significance // ‘No-one Spoke Ill of Her.’ *Essays on Judith,* ed. James C. Vanderam; Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1992, P. 31–46.
- Steinmetzer 1907 – *Steinmetzer F.* *Neue Untersuchung über die Geschichtlichkeit der Juditherzählung.* Leipzig. 1907.
- Torrey 1945 – *Torrey C.C.* *The Apocryphal Literature: A Brief Introduction.* New Haven. 1945.
- Torrey 1899 – *Torrey C.C.* The Site of «Bethulia» // *Journal of the American Oriental Society* 20, 1899, P. 160–172).
- Zertal 2009 – *Zertal A.* ‘The Reality of the Book of Judith // *Eretz-Israel,* 29 161–75. 2009.

SUMMARY

The Apocryphal tale of Judith describes the story of the encounter between the Assyrians and the Jews, who managed to overcome the enemy through the faith and strength of Judith. The Book is rich in historical and geographical details but the general historical stage is false or more likely intentionally modified. The reason of this modification may be the creation of a pseudohistorical reality with the purpose to make an impression of a timeless lesson. But with the course of time this symbolic role of this artistical device is slackening so that the process of decoding advances to the forefront.

Key words: the Book of Judith, Hellenistic culture, Hellenistic literature, Apocrypha and pseudepigrapha, pseudohistorical reality